

Водопад на краю обрыва в Долине Забвения, чьи воды обычно с грохотом низвергались вниз, из-за лютной зимы стал куда послушнее. Края утеса покрылись толстой коркой льда, словно серебряным нарядом, и вместе с потоком вниз устремлялись острые ледяные иглы.

Где-то в глубине водопада смутно угадывался алый силуэт. Ледяные, пронизывающие до костей струи беспощадно били по хрупкому телу девушки, а затем, смешиваясь с ним, вливались в изумрудную пучину.

Дугу Цзюэ безмятежно закрыла глаза, словно на нее обрушивался не ледяной поток, а ласковый летний дождь. Если бы не ее бледное лицо, выдававшее холод, можно было бы подумать, что на плечи ей набросили легчайший шелк.

Неизвестно, сколько она простояла под ледяным водопадом, но когда ее веки внезапно дрогнули, в глазах, подобных черному нефриту, вспыхнул кровавый отблеск. Взгляд стал острым, хищным, словно у проснувшегося от спячки льва, готового в любой миг совершить прыжок.

Раздался яростный крик Дугу Цзюэ, и водопад внезапно содрогнулся, издав оглушительный гул. Поток, стремившийся вниз, в одно мгновение хлынул вспять. Скалы вокруг обрыва пошли трещинами.

Прорыв! В то же мгновение ее глаза вернули свой прежний цвет.

Грохот эхом прокатился по всей Долине Забвения.

Лэн Цинло, в этот момент сидевшая в доме за шитьем, вздрогнула от неожиданности. Звук донесся со стороны обрыва.

— Цзюэ-эр!

Не раздумывая, она бросила рукоделие и выбежала наружу. Едва переступив порог, она увидела вдалеке крошечную красную точку посреди белых снегов.

Дугу Цзюэ тоже заметила Лэн Цинло. Радостно применив технику легкости, она мягко приземлилась прямо перед ней. В глазах девушки сияло торжество:

— Сестрица, сестрица, я совершила прорыв! Я наконец-то смогла! — она была похожа на ребенка, спешащего похвастаться своей находкой.

Однако Лэн Цинло не поделила ее восторга. Она видела, что Дугу Цзюэ насквозь промокла, а ее босые ступни, не защищенные обувью, соприкасаются с холодным снегом. Лэн Цинло глубоко вздохнула, и нежность в ее глазах сменилась холодом:

— Цзюэ-эр, почему ты вся мокрая? Где твоя обувь?

Не получив ожидаемой похвалы и столкнувшись с гневом сестры, Дугу Цзюэ на мгновение растерялась.

Лэн Цинло с тяжелым вздохом взяла девушку за руку и повела в дом.

Она быстро раздела Дугу Цзюэ, досуха вытерла ее одеялом и передела в сухие вещи. Все это время Лэн Цинло хранила молчание, на ее лице не было привычной улыбки, а взгляд оставался строгим.

— Сестрица...

Лэн Цинло промолчала, продолжая вытирать влажные волосы девушки.

Дугу Цзюэ, видя такое обращение, почувствовала себя провинившимся ребенком. Она опустила длинные ресницы, а ее розовые губы слегка надулись:

— Мне не холодно. Я только что прорвалась на четвертую ступень Искусства Преисподней, теперь холод мне нипочем.

Она почувствовала, как руки на ее голове замерли на секунду, а затем продолжили вытирать волосы, но уже гораздо мягче.

Поняв, что сестра больше не сердится, Дугу Цзюэ прижалась к ней, обхватив за талию:

— Сестрица, я знаю, что была неправа. Не игнорируй меня, пожалуйста.

Слушая полувиноватый, полуласковый тон, Лэн Цинло обняла ее в ответ и похлопала по спине:

— Ты ни в чем не виновата, это моя вина. Я ведь знаю, что ты не замерзнешь, но когда вижу тебя такой промокшей и легко одетой, сердце сжимается от боли. Я просто выплеснула свою тревогу на тебя. Прости меня.

Дугу Цзюэ улыбнулась, потерлась щекой о шею сестры и крепче обняла ее за талию:

— Нет, это не так. Я больше не буду упрямиться. Даже если мне не будет холодно, я буду надевать теплую одежду. Я не хочу, чтобы моя любимая сестрица волновалась.

Лэн Цинло ласково погладила ее по волосам:

— Кстати, я сшила тебе платье. Хочешь примерить?

— Правда? Какое оно? Покажи! — Дугу Цзюэ в восторге выпуталась из объятий.

— Твоего любимого красного цвета, — Лэн Цинло щелкнула ее по носу, подошла к столику и, аккуратно оборвав нитку на обновке, добавила: — Примеряй.

Наряд из тончайшего красного шелка идеально сел на Дугу Цзюэ. Яркий цвет добавил ее облику, в котором и без того сквозила некая демоничность, особую притягательность.

— В самый раз! — Дугу Цзюэ, сияя от радости, закружилась по комнате.

Лэн Цинло смотрела на нее с бесконечной нежностью.

— Сестрица, сестрица, — Дугу Цзюэ взяла ее за руки, — знаешь, почему я так люблю красный?

Лэн Цинло покачала головой.

— Потому что ты любишь белый. Когда ты надеваешь свои белые одежды, мне кажется, что ты — небесная фея, которая в любой момент может взлететь в облака и исчезнуть. Особенно зимой, когда вокруг все белым-бело, я так боюсь, что не смогу тебя найти.

При этой мысли Дугу Цзюэ недовольно надула губы и нахмурилась.

Лэн Цинло рассмеялась:

— Хорошо, с этого дня я не буду носить белое. Буду ходить в красном, как ты, договорились?

Дугу Цзюэ поспешно замотала головой:

— Нет, тебе идет только светлое. На самом деле, я ношу красное, чтобы, если ты вдруг заиграешься и мы потеряемся, я была заметна издалека. Чтобы ты могла легко найти меня в толпе.

— Ты уверена, что это я заиграюсь и потеряюсь, а не ты убежишь, заигравшись? — с улыбкой спросила Лэн Цинло.

— Ну что ты! Я никогда не оставлю тебя ради забавы. В моем сердце, кроме тебя, нет ничего, что могло бы отвлечь мое внимание.

— Хорошо-хорошо, пусть буду я, — Лэн Цинло не стала спорить. — Если вдруг мы потеряемся, ты просто стой на месте и жди меня. Ты такая яркая, я обязательно тебя увижу и вернусь. Договорились? — она нежно погладила девушку по волосам.

— Угу! — счастливо кивнула Дугу Цзюэ.

Наступила ночь. В холодном небе висел полумесяц, даря земле лишь слабый намек на тепло.

В хижине Дугу Цзюэ наслаждалась своим особенным уютом. Она тихо и довольно свернулась калачиком в объятиях Лэн Цинло. Ей нравилось спать с левой стороны — так она могла слышать негромкий, но ритмичный стук сердца сестры. Под этот звук ей казалось, что время останавливается, оставляя лишь этот прекрасный ритм и тонкий аромат.

— Цзюэ-эр...

— М-м? — лениво отозвалась девушка, не открывая глаз.

Не дождавшись продолжения, она открыла глаза и подняла голову:

— Сестрица, что-то случилось?

— Ничего, — улыбнулась Лэн Цинло. — Просто вспомнила, что ты сегодня говорила о прорыве на четвертую ступень.

— Ага! — глаза Дугу Цзюэ блеснули. — Я ведь действительно совершила прорыв! Если так пойдет и дальше, я скоро достигну седьмой ступени, которой за сотни лет еще никто не покорял.

— Э? Ты прорвалась, а ты не рада за меня? — Дугу Цзюэ внимательно вгляделась в лицо сестры, не находя там ни капли радости.

— Я рада, — обеспокоенно ответила Лэн Цинло. — Просто Искусство Преисподней слишком опасно. Чем дальше заходишь, тем больше требуется спокойствия. Малейшая ошибка — и можно сойти с ума. Я боюсь, что ты слишком спешишь и навредишь себе.

— Не волнуйся, я не наврежу. Дедушка Цзо говорил, что я — редкий талант, так что все будет хорошо. К тому же, если я вдруг пораниться, у меня же есть ты! Ты ведь знаменитый на весь мир целитель.

— Ах ты, проказница, — Лэн Цинло слегка ущипнула ее за нос. — Если бы не твои тренировки, с чего бы мне так усердно изучать медицину?

— Я знала, что ты любишь меня больше всех! — Дугу Цзюэ гордо задрала нос.

— Сестрица, я слышала от дедушки Цзо, что Искусство Преисподней не только делает тебя непобедимой, но и скрывает в себе некую великую тайну. Поэтому за ним охотятся все мастера боевых искусств, правда?

Взгляд Лэн Цинло померк:

— Пожалуй... — возможно, именно из-за этого Дворец Преисподней когда-то постигла та катастрофа. Ей стало не по себе, и она крепче обняла Дугу Цзюэ. — Почему тебя вдруг заинтересовало это дело?

— Просто любопытно стало, вот и спросила, — Дугу Цзюэ уютно устроилась на груди сестры, в ее глазах на мгновение мелькнул зловещий огонек, и она снова прислушалась к стуку сердца.

<http://bllate.org/book/19784/1949656>